

Линь Чэн подумал, что у Ван Цзэвэня есть какие-то указания, и, привычным движением освободив одну руку, достал из кармана блокнот и ручку, готовясь записывать. Однако Ван Цзэвэнь огляделся по сторонам, в конце концов вытащил стул и придвинул его к нему.

Они переглянулись.

Видя выражение лица Линь Чэна, будто тот ожидал проверки, Ван Цзэвэнь невольно рассмеялся и указал на стул:

— Садись сюда. В будущем, если захочешь отдохнуть с книгой в руках, можешь приходить сюда.

Окружающие, услышав это, также дружелюбно улыбнулись Линь Чэну.

Профессионализм Линь Чэна был очевиден для всех.

Он был актером, которого пригласили уже после начала съемок, поэтому у него не было достаточно времени на подготовку. Тем не менее, он приходил на площадку на один-два часа раньше, учил реплики, изучал сценарий, наблюдал за игрой других. Он почти не пользовался телефоном и не слонялся без дела. Он делал все возможное, чтобы как можно быстрее влиться в коллектив.

По сравнению с другими, он вполне мог бы получить медаль образцового студента.

Вся съемочная группа была довольна его отношением. Умных и трудолюбивых актеров найти непросто, и в отличие от ленивых «гениев», они предпочитали таких перспективных новичков, которые идут вперед уверенными шагами.

Поэтому, даже если Линь Чэн во время съемок допускал ошибки, характерные для новичков, все терпеливо объясняли ему, помогая разобраться.

Весь съемочный персонал относился к нему с симпатией, и когда он заболел, все с готовностью заботились о нем.

Линь Чэн понимал их доброту и искренне поблагодарил всех.

Ван Цзэвэнь сел на свое место и распорядился:

— Курите поменьше. Придвиньте сюда обогреватель.

Все принесли обогреватель, и Лю Фэн, не дожидаясь указаний, пододвинул его к Линь Чэну, отрегулировал угол и принес ему плед.

Видя, что Линь Чэн полностью укутан и вряд ли замерзнет, Ван Цзэвэнь перестал обращать на него внимание и повернулся, чтобы продолжить работу.

Тепло от обогревателя постепенно согревало Линь Чэна.

Не то чтобы окружающая обстановка была слишком уютной, но Линь Чэн, читая сценарий, начал клевать носом. Он подпер подбородок рукой и незаметно для себя уснул.

Съемки во второй половине дня прошли необычайно гладко. Несколько сцен были сняты с первого дубля после репетиции, и даже Ван Цзэвэнь не смог найти в них ошибок. Его суровое выражение лица постепенно смягчилось, и даже появилась тень удовлетворения.

Все были в ударе и, решив, что сегодня высокая эффективность позволит снять еще пару сцен и облегчить нагрузку в будущем, внезапно услышали, как Ван Цзэвэнь крикнул в рупор:

— Стоп!

Двое главных актеров, снимавшихся в этот момент, замерли, не понимая, в чем их ошибка. Затем послышался шум и суета, сопровождаемые звуками передвижаемых стульев.

Линь Чэн сидел сзади так тихо, что Ван Цзэвэнь совсем забыл о его существовании. Мельком взглянув, он заметил, что тот все еще сидит, но не придавал этому значения. Однако через мгновение он резко обернулся, вспомнив, что капельница все еще подключена к его руке, и, возможно, уже давно закончилась, и кровь начала возвращаться в трубку.

Он тут же бросился к нему и вытащил иглу.

Раствор для капельницы был немного раздражающим, и вокруг вены на руке Линь Чэна появилось несколько редких красных точек, отчетливо выделявшихся на коже. Его ладонь была ледяной, а пальцы опухли от обморожений.

Линь Чэн вздрогнул от его действий, растерянно открыл глаза и, увидев перед собой Ван Цзэвэня с выражением досады на лице, наконец понял, что произошло.

Он тут же встал, но сценарий, лежавший у него на коленях, случайно упал на пол. Линь Чэн посмотрел вниз, потом опять растерянно наклонился, чтобы поднять его, выглядя совершенно дезориентированным.

Ван Цзэвэнь тихо вздохнул:

— Ладно, иди отдохни. Сегодняшние ночные съемки мы отменим, подождем, пока температура спадет. В любом случае, мы арендовали эту площадку на некоторое время.

Линь Чэн тут же пришел в себя, сжал губы, разгладил загнутые уголки сценария и прижал его к груди.

Видя упрямое выражение лица этого честного парня, Ван Цзэвэнь сразу понял, о чем он думает. Люди с сильным чувством собственного достоинства больше всего боятся доставлять неудобства другим.

Ван Цзэвэнь похлопал Линь Чэна по плечу:

— У меня тоже есть дела, сегодняшний график и так нужно было корректировать, так что не переживай. Ты уже хорошо справляешься.

Несколько старших коллег рядом тоже добавили:

— Да-да, Линь, не торопись, отдыхай как следует.

Вечером у Ван Цзэвэня действительно были дела. Продюсер затащил его на встречу с инвесторами выпить.

Ван Цзэвэнь, хотя и курил, не особо любил пить, особенно во время работы. Сигареты помогали ему сохранять ясность ума, а алкоголь только притуплял чувства. Все, кто его знал, были в курсе его привычек. Поэтому даже на встрече с инвесторами он ограничился парой бокалов.

Ужин длился два-три часа, и обе стороны остались довольны. После окончания продюсер вызвал помощника, чтобы отвезти Ван Цзэвэня обратно.

Вернувшись в отель, Ван Цзэвэнь почувствовал, как тепло в холле выпарило алкоголь из его крови, и его тут же охватила сонливость.

Последние пару дней он сильно устал. Съёмочный персонал уставал больше актёров, так как требовалось работать с высокой интенсивностью, чтобы поддерживать процесс на должном уровне. Несколько ночей без сна считались нормой. Его группа была хорошо финансируется, так что не нужно было работать до изнеможения, но в случае непредвиденных обстоятельств или на поздних этапах съёмок все равно приходилось выкладываться по полной.

Ван Цзэвэнь вошел в лифт, растирая виски, и лениво прищурился, глядя на свое размытое отражение в зеркале при тусклом свете лифта.

Цифры на табло постепенно увеличивались, и он вдруг вспомнил о Линь Чэне.

Сегодня у Линь Чэна был неважный вид, и Ван Цзэвэнь задумался, хорошо ли он отдохнул. Может, стоит проведать его.

С этой мыслью он уже нажал кнопку этажа.

Из-за того, что в отеле было слишком тепло, Ван Цзэвэнь почувствовал жар и расстегнул воротник, затем снял пиджак и перекинул его через плечо. Подойдя к двери, он постучал.

Через мгновение изнутри послышались шаги. После короткой паузы дверь открылась.

Линь Чэн был одет в простую белую кофту, без носков, с мокрыми волосами и смотрел на него с удивлением.

Ван Цзэвэнь заглянул за него в комнату и заметил разбросанные на столе бумаги и ручки, с улыбкой спросил:

— Изучаешь сценарий?

Линь Чэн кивнул.

Улыбка на лице Ван Цзэвэня стала еще искреннее.

Линь Чэн не был разговорчивым человеком, в отличие от тех, кто умел ловко вращаться в обществе и заводить связи. За все время в группе он, кажется, так и не завел друзей.

Честно говоря, Ван Цзэвэнь считал, что такие люди не очень подходят для шоу-бизнеса. Но ему нравилась эта чистота.

Ван Цзэвэнь шагнул внутрь и спросил:

— Сколько лет ты занимаешься ушэн? Сколько снимался в сериалах? Я заметил, что ты не боишься камеры, хотя профессиональных навыков тебе немного не хватает.

Линь Чэн на мгновение задумался, затем, следуя за ним, ответил:

— Вообще-то, уже больше десяти лет.

— Больше десяти лет?! — Ван Цзэвэнь вздрогнул, оглядел его с головы до ног и сказал. — Я помню, тебе всего двадцать с небольшим!

— Двадцать пять, — спокойно ответил Линь Чэн. — Я начал сниматься в массовке в Хэндяне, когда мне было около десяти. Если считать массовку, то да, больше десяти лет. Но тогда у меня не всегда была возможность попасть в кадр, да и учить меня никто не собирался.

Какая может быть техника у массовки в сериалах? Даже если ты играешь плохо, зрители это поймут.

Ван Цзэвэнь сел на диван, отодвинул стопку бумаг на столе и, просматривая текст, спросил:

— Значит, ты бросил школу в средних или старших классах, чтобы начать работать?

— Да, — ответил Линь Чэн, садясь напротив него. — У меня не было семьи, и я сам зарабатывал на учебу.

Ван Цзэвэнь снова посмотрел на него:

— А сценарий ты понимаешь?

Он не хотел показаться предвзятым, но сценарий «Ночного дождя» был довольно сложным, с множеством древних текстов. Без определенного уровня образования его действительно можно было не понять.

Многие актеры вообще не понимали сценариев и могли только заучивать текст наизусть. Даже в этом случае они запинаясь и не могли передать эмоции, заложенные в репликах. Режиссеры порой готовы были отдать свою голову, чтобы помочь им.

Линь Чэн ответил:

— Понимаю. Я окончил обычную школу, потом поступил в университет и продолжаю учиться. Я изучал древние тексты и историю. Также читаю научные статьи.

Ван Цзэвэнь снова удивился. В их кругу низкий уровень образования был обычным делом, и многие к этому привыкли. Те, кто продолжал учиться, были редки, как звезды на небе. Ведь рынок не требовал многого, и можно было зарабатывать большие деньги, не прилагая особых усилий.

Со временем можно привыкнуть и к толстой коже.

Ван Цзэвэнь спросил:

— В каком университете ты учился? Я помню, ты не получал профильного образования?

Линь Чэн:

— Нет, я учился в Университете А, на факультете компьютерных наук.